

— 50

11

787907

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

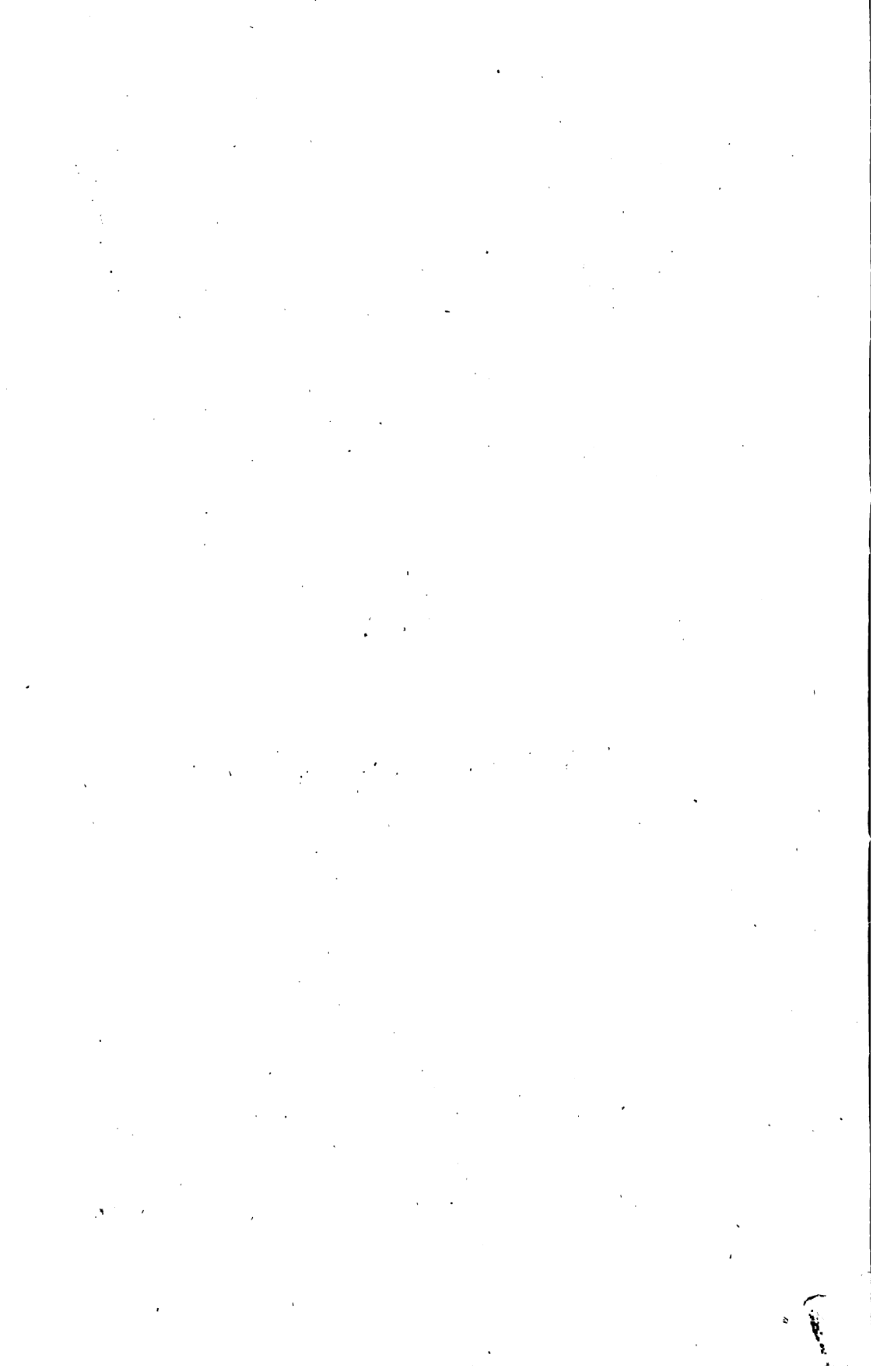
П. А. БИВИКОВА.

Издание Н. Серно-Соловьевича.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1862.



О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

Н А ДОБРОЛЮБОВА

П. А. БИВИКОВА.

Издание Н. Серно-Воловьева.

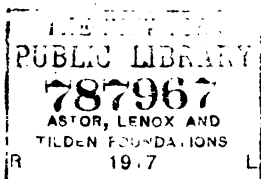
NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1862.

1211 17
*22



Печатать дозволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

САНКТИПЕТЕРБУРГЪ 14 Апрѣля 1862 года.

Ценсоръ Левдеевъ.

УЧЕБН. БИБЛ.
САНКТ. ПЕТ.
УЧЕБ. БИБЛ.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Вотъ и твой смолъ голосъ честный,
И смѣжился честный взглядъ,
И уложенъ въ гробъ ты тѣсный,
Отстрадавшій братъ.

За наше сомнѣніе, за наше отрицаніе, вѣкъ нашъ называютъ вѣкомъ безвѣрія, эгоизма, сердечной сухости. Справедливо ли это? Вѣдь сомнѣніе и отрицаніе предполагаютъ нѣчто положительное, во имя чего возможно сомнѣніе и отрицаніе. Это нѣчто положительное, опираясь на которое только и мыслимо сомнѣніе и отрицаніе, есть все честное и прекрасное, благородное и истинное, стремленіе къ которому заставляетъ ненавидѣть подлое и безобразное, ложь и неправду, вызываетъ на борьбу съ ними, словомъ — идеаль. Чѣмъ чище и возвышеннѣе идеаль, чѣмъ болѣе разошелся онъ съ дѣйствительностью, тѣмъ упорнѣе борьба, тѣмъ невыносимѣе страданія, тѣмъ затруднительнѣе побѣда. Можно ли

сомнѣваться, не нося въ груди идеала, можно ли отрицать, не владѣя истиной, можно ли отдать свои силы на борьбу, не надѣясь на побѣду, однимъ словомъ возможны ли всѣ эти проявленія жизни безъ вѣры, безъ любви, безъ готовности на самопожертвованіе? А между тѣмъ вѣкъ нашъ называютъ вѣкомъ безвѣрія, эгоизма, сердечной сухости! Какая-же причина такого незаслуженнаго упрека? Причина этого лежитъ просто въ людской несообразительности. Толпа всегда отвергала истину, сознанную еще весьма немногими, она привыкла бросать камнемъ и грязью въ того, кто, понявъ или отгадавъ ея стремленія, желанія, страданія, вздумалъ бы просвѣтить ее, осуществить стремленія, облегчить страданія. Проходятъ годы, и когда пойметъ она своего учителя и доброжелателя, то свое бывшее нерасположеніе, нелюбовь, ненависть она переноситъ на тѣхъ, кто отвергалъ ея теперешняго кумира, забывая, что прошедшее, настоящее и будущее связаны круговою порукою, что настоящее несетъ казнь за прошедшее и повинно передъ будущимъ.

Эта не любовь къ тому, кто завтра будетъ идоломъ, это непониманіе того, что совершается въ-очію тѣмъ сильнѣе и замѣтнѣе, чѣмъ болѣе разошлась дѣйствительная жизнь съ ея идеаломъ въ груди того, кто задумалъ сказать о ней *новое слово*, чѣмъ это слово рѣзче и непохожѣе на тѣ, къ звукамъ которыхъ уже привыкло ухо. Но мало-по-малу улучшается мозгъ поколѣній, увеличивается количество людей мыслящихъ, понявшихъ смыслъ новаго слова и рѣшившихся объяснить, растолковать его другимъ. Ухо начинаетъ привыкать къ новымъ звукамъ, истина входитъ въ сознаніе, свѣжая, новая мысль гонитъ ложь, основанную на рутинѣ. Для слѣдующихъ поколѣній слово брата и доброжелателя становится уже ясно, усвоивается все полнѣе и глубже, становится наконецъ закономъ и святынею; а сказавшій его — куми-

ромъ. Но жизнь идетъ своимъ чередомъ и-вырабатываетъ новую мысль, новую истину, а поколѣнія по закону инерціи, по трудности, съ какою вырабатывается сознаніе, засыпають либо живутъ той-же рутиной, и слово живое становится мертвымъ словомъ.

Этими избитыми, старыми какъ самый міръ истинами начинаю я рѣчь объ одномъ изъ глубоко-вѣрующихъ, молодыхъ нашихъ дѣятелей, по какому-то фатальному, неизбежному, преслѣдующему насъ случаю подобно многимъ другимъ сошедшемъ въ могилу прежде, чѣмъ раз-вернулись всѣ его силы. Н. А. Добролюбовъ дѣйствительно принадлежалъ къ числу людей, глубоко-вѣрующихъ въ истину и добро и въ ихъ несомнѣнную побѣду надъ зломъ и ложью. Могъ онъ ли безъ этой вѣры поднять могучій и честный голосъ противъ всѣхъ неправдъ нашей жизни, противъ „темнаго царства“?

Слово его испытало, испытываетъ, и вѣроятно, ему придется испытать еще не малое время тоже осужденіе, тѣже укоры, которые сопровождаютъ всякое новое слово. Уроки прошедшаго тутъ какъ будто не существуютъ. Не забывая ни въ древность, ни въ чужіе народы, припомнимъ, что случилось у насъ и почти на нашей памяти. Выступилъ съ новымъ словомъ Пушкинъ, — какъ встрѣтили его люди, по своимъ убѣжденіямъ и понятіямъ принадлежавшіе прошлому, но стоявшіе въ главѣ умственного и литературнаго движенія? Я не говорю о насмѣшкахъ, о сарказмахъ, о брани, я говорю только о непониманіи. Явился Гоголь съ своимъ словомъ, проникнутымъ любовью и смѣхомъ — таже исторія. Раздалось честное, мужественное слово Бѣлинскаго съ цѣлью растолковать его — опять таже. Послѣдній примѣръ былъ недавно. Мы всѣ хорошо его помнимъ. Аналогія съ тѣмъ, что раздается вокругъ насъ по поводу Добролюбова, поразительна, сходство между двумя близкими по времени другъ

къ другу эпохами — удивительное. Похожи не только внутренніе, сокровенные мотивы, обвиненія, принципы, упреки, но и ихъ проявленія внѣшнія; многія фразы даже знакомы намъ изъ недавняго прошлаго, которое забыть мы еще не успѣли. Припомнимъ только главные черты борьбы старыхъ людей съ Бѣлинскимъ и ихъ обвиненія его въ неуваженіи къ всякаго рода авторитетамъ, въ отсутствіи патріотизма, въ безнравственности, въ недостаткѣ образованія и специальныхъ свѣдѣній, въ незнаціи иностранныхъ языковъ, въ вмѣшательствѣ въ недоступную и незнакомую ему область науки, въ непониманіи даже художественной красоты и въ отсутствіи всякаго эстетическаго вкуса, не говоря уже объ обвиненіяхъ въ шутовствѣ, скоморошничествѣ, нахальствѣ, цинизмѣ и проч. Но что же случилось черезъ десять лѣтъ, и что такое Бѣлинскій для настоящаго поколѣнія? Кто, не боясь привлечь на свою голову позора, рѣшится произнести хоть одно изъ приведенныхъ обвиненій на покойнаго Бѣлинскаго? Кто не считаетъ его отцомъ эстетической критики и благороднѣйшимъ, честнѣйшимъ бойцемъ за дѣло общественное и гражданское? Не то же ли происходитъ теперь съ Добролюбовымъ? не повторяются ли кругомъ тѣ же обвиненія, упреки, насмѣшки, и мы прибавимъ уже отъ себя — тоже непониманіе?

Я вовсе не имѣю въ виду объяснить этой статьей значеніе Добролюбова; я полагаю, что не приспѣло еще время для полной, справедливой и спокойной оцѣнки его дѣятельности. Это — слово будущаго, а не настоящаго. Я хочу только записать факты и впечатлѣнія времени, непосредственно - слѣдовавшаго за его смертию, привести направленные противъ него обвиненія, указать на главные вопросы, занимавшіе его, и въ разрѣшеніи которыхъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе. Ра-

зумѣется, что я постараюсь быть безпристрастнымъ, хотя мнѣ не безъизвѣстно, что люди не привыкли вѣрить въ безпристрастіе того, кто не скрываетъ, что человѣкъ, о которомъ онъ говоритъ, ему дорогъ, какъ лучший представитель сознанія страны, честнѣйшій защитникъ ея интересовъ, во все продолженіе своей дѣятельности ни разу не свернувшій съ прямого, честнаго пути, ни разу не согласившійся ни на какую сдѣлку въ ущербъ своему убѣжденію.

Я сказалъ, что время для оцѣнки Добролюбова еще не наступило. Тѣмъ не менѣе для той задачи, которую я предположилъ себѣ, нѣтъ надобности ожидать изданія всѣхъ его сочиненій, обѣщаннаго редакціей „Современника.“ Дѣятельность покойника продолжалась весьма непродолжительное время — съ небольшимъ пять лѣтъ, хотя собраніе всѣхъ его литературныхъ трудовъ вѣроятно удивитъ многихъ и массою того, что имъ написано, а еще болѣе достоинствомъ того, что имъ сдѣлано, количествомъ вопросовъ, которые имъ подняты и о которыхъ онъ успѣлъ сказать свое слово, будущее, если не настоящее достояніе всеобщаго сознанія. Вся его дѣятельность предъ нашими глазами, происходила будто вчера, и многія черты врѣзались въ памяти такъ сильно, что не требуютъ напоминанія.

Какъ бы ни желалъ я отбросить все частное и съ виду неотносящееся къ дѣлу, какъ бы ни избѣгалъ при-
дать слову моему полемическій характеръ, сдѣлать этого невозможно. Говорить о Добролюбовѣ, не упоминая о томъ хаотическомъ состояніи мнѣній и убѣжденій, которыми онъ былъ встрѣченъ — нельзя. Ему принадле-
житъ такая значительная доля участія въ передѣлкѣ нравственнаго имущества, достояющагося намъ по на-
слѣдству отъ проходящаго поколѣнія, онъ такъ твердо и ясно указывалъ пути, открытые если не имъ, то людь-

ми еще менѣе знакомыми нашему обществу, что обойдти всѣ эти вопросы никакъ не придется ни намъ, ни, смѣю думать, будущему историку русской мысли.

Главные обвиненія, направленные противъ него, заключаются въ слѣдующемъ: его упрекаютъ въ такъ называемомъ отрицательномъ направленіи, за которымъ не видно ничего положительнаго, ничего утѣшительнаго, ничего прочнаго, что замѣнило бы намъ хоть сколько нибудь то, что убито, отнято безпощаднымъ анализомъ, всесокрушающею силою отрицанія; его упрекаютъ въ совершенномъ отсутствіи эстетической критики, въ непониманіи художественной красоты, въ отрицаніи искусства и поэзіи; его упрекаютъ въ неуваженіи къ авторитетамъ науки, искусства и жизни, въ неуваженіи къ общественному, выразившемуся на этотъ счетъ, мнѣнію; его упрекаютъ въ недостаточной подготовкѣ для принятой на себя критической дѣятельности, въ недостаткѣ свѣдѣній, въ презрѣніи къ нимъ — однимъ словомъ, въ поверхностномъ воспитаніи и образованіи, удовлетворившимися одними верхушками собранныхъ наукою знаній; его упрекаютъ, наконецъ, во внѣшнихъ приѣмахъ его критики, въ ея формѣ, которая неприлична, дерзка и нахальна, какъ слѣдствіе его неуваженія къ столбамъ науки, къ дѣтелямъ жизни, ко всякаго рода авторитетамъ.

Объяснять, соглашаться съ этими обвиненіями или опровергать ихъ мы теперь не станемъ, но всегда будемъ помнить ихъ при разсмотрѣніи тѣхъ главныхъ вопросовъ, которыми занимался Добролюбовъ. Теперь же обратимъ наше вниманіе только на послѣднее обвиненіе, и скажемъ о немъ нѣсколько словъ. Обвиненіе это главнымъ образомъ принадлежитъ Москвѣ и московскимъ литературнымъ дѣтелямъ. Должно сказать откровенно, что мы съ неохотою говоримъ о подобномъ предметѣ.

Опасно и отвратительно приблизиться къ ямѣ помоевъ, чтобы не ударило въ носъ и съ ногъ не спшибло, яма далеко еще не заросла. Но вѣрно уже таково условіе жизни и безъ этихъ явленій не обойдешься. Обвинять въ скоморошничествѣ, въ балаганствѣ, съ пѣной у рта и съ желчью, разлившееся по всему организму, чело-вѣка, всю свою жизнь посвятившаго служенію честному дѣлу, какъ хотите, а этотъ фактъ, къ сожалѣнію, столько разъ повторявшійся у насъ, займетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи нашей литературы и жизни настоящаго времени. А мы, переживавшіе полемику Ѳ. Булгарина и Бурачка съ Бѣлинскимъ, вѣрили въ простотѣ сердечной, что повтореніе подобнаго явленія невозможно!

Свистопляска, свистуны! не переставали кричать выслужившіеся профессора, и шатающіеся авторитеты. И что же? презрѣнное слово становится чуть не лозунгомъ соединенія для всѣхъ, стремящихся сбросить тяжелыя схоластическія путы. Старая исторія со временъ Гёзовъ! Въ словахъ, полныхъ любви и самоотверженія, не видѣли ни сердечной теплоты, ни преданности общему дѣлу; обвинили въ отрицаніи, холодномъ и безжалостномъ, не имѣющимъ никакой иной цѣли, кромѣ самого себя, того, кто съ болью и страданіемъ глядѣлъ на всѣ ужасы „темнаго царства.“ Наконецъ люди, которые, казалось, ближе другихъ подошли къ истинѣ, совѣсть которыхъ возмущалась бы неправдой и омерзѣніемъ бросить камнемъ или комкомъ грязи въ Добролюбова, которые не могли не признать въ немъ ни таланта, ни ума, ни честныхъ убѣжденій, которые не могли не откликнуться своимъ сердцемъ на благородный зовъ: „впередъ! за дѣло!“, даже эти, лучшіе люди, оправданіе и утѣшеніе для будущаго историка нашего многострадальнаго времени видѣли, въ Добролюбовѣ не болѣе какъ умнаго, талантливаго ученика Чернышевскаго. Мы

не можемъ отрицать вліянія Чернышевскаго на своего друга, но убѣдимся при разсмотрѣніи дѣятельности послѣдняго, какъ мало идетъ къ нему названіе ученика Чернышевскаго.

Вотъ обвиненія, посылаемыя противъ Добролюбова людьми всѣхъ оттѣнковъ, убѣжденія которыхъ взбудоражены были его независимымъ словомъ.

Для удобнѣйшаго изложенія главнѣйшихъ вопросовъ, въ разрѣшеніи которыхъ потрудился Добролюбовъ, мы разсмотримъ ихъ отдѣльно въ слѣдующемъ порядкѣ: вопросы содержанія философскаго, вопросы художественные, (по искусству и поэзіи), вопросы политическіе и вопросы домашніе нашей общественной жизни.

Одно небольшое отступленіе прежде чѣмъ приступить къ самому дѣлу, чтобы покончить съ тѣми, которые находили и находятъ, что статьи Добролюбова составлены небрежно, безъ добросовѣстной подготовки, голословны, что въ нихъ не видно, чтобы авторъ занялся своею работою серьезно, много читалъ по излагаемому предмету и т. д. Разумѣется, что на подобное обвиненіе странно и отвѣчать и слѣдовало бы отнестись просто на судъ всѣхъ безпристрастныхъ людей. Будущее собраніе всѣхъ сочиненій Добролюбова еще разъ представить читающей публикѣ всѣ труды его и она выскажетъ свое мнѣніе по этому упреку. Тѣмъ не менѣе мы укажемъ на нѣкоторыя статьи его, выходящія изъ ряда по своей серьезной и тщательной обработкѣ, а именно: *Собесѣдникъ любителей русскаго слова, Органическое развитіе человека, Первые годы царствованія Петра Великаго, Робертъ Овенъ, Обломовщина, Темное царство, Наканунъ, Сатира въ вѣкъ Екатерины, Свѣтлый лучъ, О степени участія народности въ русской литературѣ, Забитые люди*. Чтобы ни говорили противники Добролюбова, статьи эти долго будутъ читаться молодымъ поколѣніемъ и многому его научать.

I.

Чтобы показать истинное значеніе Добролюбова въ разрѣшеніи философскихъ вопросовъ, необходимо вернуться нѣсколько назадъ и объяснить, какъ значеніе вообще этихъ вопросовъ, такъ и положеніе ихъ въ то время, когда Добролюбовъ началъ свою дѣятельность. Вопросы эти первостепенной важности — не даромъ они называются *коренными* вопросами. На нихъ основано все. Можно сдѣлать безошибочное заключеніе, какъ отзовется, какъ выразится словомъ и дѣломъ человѣкъ въ данномъ случаѣ, если намъ извѣстны его убѣжденія на этой почвѣ. Они запечатлѣваютъ собою наши слова, какъ и наши поступки. Кто не освободился отъ страшной массы предразсудковъ, завѣщанныхъ намъ невѣжественнымъ и суевѣрнымъ прошедшимъ, кто не вышелъ свѣжимъ и здоровымъ изъ путъ идеалистической метафизики, кто не сохранилъ способности самостоятельнаго и честнаго мышленія, такъ легко покоряющагося рутинѣ и схоластикѣ, тому невозможно выбраться на реальную почву дѣйствительности. Какъ бы ни были честны и благородны мысли, слова и поступки человѣка, невышедшаго изъ пеленокъ преданія, насъ не покинетъ сомнѣніе, что въ его жизни легко можетъ встрѣтиться фактъ, когда эта мысль, слово и поступокъ окажутся несостоятельными, человѣкъ обнаружится. Къ несчастію эти коренные вопросы мало интересовали наше молодое еще общество. Правда, что и европейское общество относилось къ нимъ часто весьма равнодушно, но все же тамъ

сдѣлано гораздо больше успѣховъ. Французская философія XVIII-го ст. едва коснулась только высшихъ словъ нашего общества, никогда не проходила въ плоть и кровь нашу, и была не болѣе какъ праздною, бесполезною забавой, весьма скоро къ тому же забытой. Знакомство съ нѣмецкою метафизикою шло не менѣе туго, но тутъ пришлось собрать плоды болѣе обильные. Извѣстно, что Шеллингъ и Гегель имѣли у насъ нѣсколько весьма даровитыхъ представителей. Послѣднимъ изъ нихъ былъ Бѣлинскій, котораго мы смѣло можемъ назвать распространителемъ у насъ германской философіи. Натура его была такова, что не могла остановиться на пол-пути; она не боялась выводовъ. Путь былъ очень шаткій: можно было провалиться богъ-знаетъ куда, прійти къ результатамъ, отъ которыхъ не спасъ бы никакой кантовскій критическій идеализмъ. Бѣлинскій дѣйствительно пришелъ къ абсурду, отыскавши абсолюта въ формулѣ: *Alles, was ist, ist vernünftig*; но честная, въ высшей степени гуманная натура, спасла его отъ чудовищныхъ послѣдствій подобнаго вывода, онъ остановился, осмотрѣлся, увидѣлъ, что необходимо повернуть назадъ. Сколько намъ извѣстно, изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ мысли, представителемъ противоположнаго, реального направленія, основывавшагося на опытѣ и наблюденіи, былъ авторъ „Писемъ объ изученіи природы.“ Человѣкъ, шедшій путемъ спиритуализма, необходимо долженъ былъ разойтись съ тѣмъ, кто не допускалъ иныхъ выводовъ, кромѣ сдѣланныхъ путемъ эмпирическимъ. Такъ и случилось. Но, повторяю, Бѣлинскаго спасла его честная натура. Слѣдовало возвратиться не только назадъ, но и начинать дѣло сначала; для этого нужна была не только новая подготовка всей организации человѣческой, искаженной многолѣтнимъ воспитаніемъ, идеальною діалектикою, но и тѣ матеріалы, ко-

торые упущены были изъ виду, какъ несостоятельные для оцѣнки *чистой мысли*. Какъ ни невозможенъ казался трудъ, какъ ни трудна была подобная передѣлка всего, что прежде казалось истиннымъ и справедливымъ, Бѣлинскій принялся за работу. Не должно забывать также, что матерьяловъ, о которыхъ я упомянулъ, оказалось весьма мало подъ рукою. Ихъ и теперь не много. Успѣхи естественныхъ наукъ, находящихся чуть не на азбукѣ, до сихъ поръ оказывали еще слабое вліяніе на качество мысли, какъ по незначительности добытыхъ результатовъ, такъ и по рутинному способу мышленія людей, которые посвятили себя спеціальному изученію этихъ наукъ. Вотъ почему Бѣлинскому не легко было освободиться отъ того, что привыкъ проповѣдывать онъ съ молодыхъ лѣтъ, хотя онъ и отказался отъ многого, что еще недавно казалось ему прямымъ логическимъ слѣдствіемъ его мысли. На этой порѣ застала его смерть. Какъ ни дорога намъ память о лучшемъ нашемъ дѣятелѣ, какъ ни сочувственно смотримъ мы на его передѣлку самого себя, когда онъ убѣдился въ бесполезности и вредности сдѣланныхъ имъ выводовъ, — при оцѣнкѣ того, на чемъ остановился онъ, мы не можемъ не замѣтить, что онъ никогда не могъ вполне освободиться ни отъ горячаго, благочестиваго, мечтательнаго пантеизма Шеллинга, ни отъ холодной, безпощадной діалектики Гегеля. Со смертью Бѣлинскаго философская мысль наша замерла. Тѣмъ не менѣе имъ были указаны пути для выхода изъ бесплоднаго философствованія на свѣжій воздухъ, на широкую дорогу, представляемую наблюденіемъ и опытомъ. Потеря Бѣлинскаго была тѣмъ болѣе незамѣнима для насъ, что его легко и свободно понимали, ему вѣрили, часто даже болѣе чѣмъ слѣдовало бы. Нельзя сказать, чтобы Бѣлинскій въ періодъ, близкій къ его смерти былъ одинокимъ. Раздавались и другіе го-